

Застиска
восстановлена

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2002

УДК 001
ББК 72.4(2)
П 31

Петросян Ю. А. Встречи и расставания (записки востоковеда). — СПб.: Наука, 2002. 252 с.

ISBN 5-02-028537-4

Ученый-востоковед, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки России, профессор Ю. А. Петросян, который в течение 33 лет руководил Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения, в живой увлекательной форме рассказывает о своей жизни, о встречах с известными всему миру людьми, о поездках в разные страны, об отечественной науке.

Для широкого круга читателей.

*Моей жене — Ирине,
без которой этой книги не было бы*

ISBN 5-02-028537-4

© Ю. А. Петросян, 2002
© Издательство «Наука», 2002

На пути к университету

В школе я, пожалуй, более всего любил уроки истории, которые увлеченно и с большим знанием дела вел учитель истории и наш справедливый и строгий директор школы — Борис Семенович Герчиков. Именно его уроки и нередкие беседы за стенами класса обнаружили у меня интерес к этому предмету, который я пронес через всю жизнь. И когда после окончания средней школы, что произошло жарким летом 1947 г. в Баку, встал традиционный для выпускника вопрос — быть физиком или лириком, ответ на него был для меня ясен — гуманитарные науки. В немалой степени этому решению способствовало мое знакомство с замечательной женщиной — Анной Иоанновной, ставшей моей учительницей немецкого языка. Эта образованнейшая женщина принадлежала к еврейской семье, бежавшей в СССР из фашистской Германии. Она была профессиональным преподавателем немецкого языка, окончившим педагогический институт в Берлине. Не знаю, что и как привело ее семью в Баку, но волей случая она преподавала немецкий язык в Бакинской портовой таможне, в которой мой отец был начальником в 1938—1941 гг. Папа сам усердно посещал ее занятия, и постепенно у него созрел план отдать и меня в обучение этой даме, естественно, частным образом. План оказался тем более реален, что, как выяснилось (опять случай, который, как известно, бог истории), Анна Иоанновна жила на втором этаже дома, в котором этажом выше жили и мы. Мои родители, желавшие мне добра, искренне были убеждены, что ребенка следует обучать либо музыке, либо иностранным языкам. Последнее показалось моему отцу более полезным. Успевший поучиться до революции в тбилисском пансионе для детей из состоятельных семей, мой отец впитал в себя и некоторые «старорежимные» понятия, которые предусматривали, в частности, «языки». Некоторые его привычки, шедшие еще от той, дореволюционной, жизни, иногда раздражали маму, в сердцах, бывало, называвшую его «князем».

Он добродушно сносил «оскорбление», понимая, что моя мама, вышедшая из семьи бакинских нефтяных рабочих (дедушка работал мастером на нефтяных промыслах Баку), не могла разделять его многих жизненных пристрастий.

Помню в деталях первый урок у Анны Иоанновны. Она сказала мне буквально следующее: «Друг мой, сегодня мы говорим по-русски в первый и последний раз. Уже завтра ты будешь знать несколько наиболее нужных для общения слов, а задания будешь выполнять письменно. В первое время объясняться можешь хоть жестами, и учи, учи, учи слова!». Занимались мы пять раз в неделю по часу. Невероятно, но факт — уже через месяц я произносил по-немецки нечто связное, а через год говорил более-менее прилично. Благодаря советам и поддержке Анны Иоанновны, я много читал немецкую классику — прозу и поэзию. До сих пор память сохранила кое-что из Гете и Шиллера, и когда я закончил школу, то говорил по-немецки совершенно свободно, так что школьная учительница немецкого языка, бывало, поручала мне вести занятия с моими одноклассниками. По-видимому, Анна Иоанновна была первоклассным педагогом: память до сих пор сохранила немецкий в таком объеме, что в многочисленных моих научных поездках в Германию (ФРГ или ГДР) в 70—80-х гг. или в поездках в Австрию в 90-х гг. я никогда не прибегал к помощи переводчика, всегда сам готовил тексты своих лекций и докладов по-немецки. Со временем немецкий стал не единственным иностранным языком, которым я овладел практически, — неплохо знаю турецкий, обхожусь без переводчика и во Франции, — но немецкий остается для меня как бы третьим после русского и армянского «родным» языком. И в этом, конечно же, заслуга моей замечательной учительницы.

О ее прекрасных человеческих качествах многое говорит такой эпизод. Когда началась война, мой отец, имевший так называемую «бронь» как таможенный служащий, тем не менее добровольно ушел на фронт. Семья наша долго не получала денег по аттестату военного, ибо папа первые месяцы не имел даже офицерского звания и был рядовым шофером на фронте. Потом, правда, он стал, кажется, старшим лейтенантом, но и тогда денежное довольствие нашей семьи оставалось очень скудным. Вообще, жили мы в ту пору очень тяжело, но понимали, что во многих городах нашей страны людям жилось куда тяжелее, чем в Баку. Так вот, когда отец ушел в армию, мама сказала Анне Иоанновне, что не может оплачивать ее занятия со мной, а потому их придется прекратить. Но моя учительница категорически воспротивилась этому, заявив, что продолжит учить

меня бесплатно. Со временем, когда отца демобилизовали и он вернулся в Баку, родители постепенно и не без труда уговорили ее не отказываться от оплаты уроков.

Именно Анна Иоанновна не только обучила меня немецкому, не только открыла мне мир немецкой культуры и литературы, но и привила вкус к знаниям, интерес к мировой культуре вообще. Многие годы мы говорили с этой удивительной женщиной только по-немецки, и «табу» на русский было снято только один раз и неожиданно для меня. В 1956 г. я в очередной раз приехал летом из Ленинграда навестить своих родителей в Баку. Поднимаясь по лестнице родительского дома, я встретил свою к тому времени совсем постаревшую учительницу. Всплеснув руками, она воскликнула: «Юрочка, я так тебе рада. Я слышала, что ты уже кандидат наук!». Услышав ее русскую речь, я был поражен, как некогда Робинзон Крузо, увидевший следы на своем необитаемом острове. Опешив, я спросил: «Что я слышу, Анна Иоанновна? Неужели Вы говорите со мной по-русски?». Она засмеялась и сказала, что теперь мы можем позволить себе говорить на двух языках. Увы, это была наша последняя встреча, через несколько лет ее не стало. Благодарная память о ней осталась во мне навечно. Между нами была большая возрастная разница, и, по-видимому, это мешало мне, мальчику, расспрашивать ее о каких-то обстоятельствах ее жизни. Жалею, что не знаю их, уверен, что она могла бы рассказать мне многое о своей жизни и жизни своей семьи в Германии, об обстоятельствах приезда в СССР и Баку.

Но вернемся к тому моменту, когда я закончил школу, твердо уверовав, что моим путем могут быть лишь гуманитарные науки, несмотря на мои пятерки по физике, химии и прочим негуманитарным дисциплинам. Круг высших учебных заведений, где можно было получить знания историка или филолога, юриста или экономиста, был обширен. К тому же у меня была возможность выбирать не только из числа бакинских вузов. Имея серебряную медаль и право поехать на учебу в качестве стипендиата республики Азербайджан, я мог претендовать на место в одном из престижных столичных вузов. Как это не раз бывало в ситуациях, подобных моей, среди прочих перспектив замаячило название Московского института международных отношений. Но мой неизменный спутник жизни, случай, вмешался в развитие событий, подарив мне и моему другу Гайозу Донидзе встречу в актовом зале Бакинского университета с двумя очаровательными девушками — студентками третьего курса Восточного факультета Ленинградского университета — Люсей Покровской и

Люсей Соболев. Два-три часа беседы с ними сделали нас убежденными сторонниками учебы в Ленинграде, в Ленинградском университете и только на Восточном факультете. А к вечеру мы даже весьма самонадеянно рассуждали о месте востоковедения в мировой науке. Наши новые знакомые учились на кафедре тюркской филологии, и им легко удалось убедить нас в том, что это лучшая востоковедная специальность и лучшая кафедра Восточного факультета. Забегая несколько вперед, скажу, что и сегодня, на склоне лет, пройдя в востоковедении долгий путь, я не изменил этой убежденности. Я не стал, правда, филологом, начав с третьего курса специализироваться в области истории Турции на кафедре истории стран Ближнего Востока, но в востоковедении довольно трудно отделить историю от филологии. Недаром один из моих учителей и наставников в годы аспирантуры и первых лет самостоятельной научной деятельности академик Иосиф Абгарович Орбели любил повторять, что «филологические подошвы» — необходимое условие успеха в любой востоковедной специализации. Все это, конечно, стало мне известно значительно позже того августовского дня 1947 г., когда я приехал в Ленинград, намереваясь учиться на Восточном факультете, куда уже был зачислен без экзаменов.

Никогда не забыть мне ошеломляющего впечатления от встречи с городом, ставшим мне родным на всю жизнь. В ту пору по Невскому еще ходили трамваи. Я сел в один из вагонов у Московского вокзала. Трамвай с дребезжанием двинулся по Невскому. Я с большим интересом разглядывал прекрасные здания, немного знакомые по фотографиям. Но вот трамвай свернул с Невского к Дворцовой площади, и я испытал настоящее потрясение от открывшейся мне замечательной панорамы, которую создавали неповторимый Зимний дворец и Александрийская колонна. Затем трамвай пересек Неву, и через несколько минут я оказался на Университетской набережной у невысокого зеленого цвета здания по соседству со знаменитыми петровскими коллегиями. В этом здании тогда, как и сейчас, были расположены Филологический и Восточный факультеты, а во дворе находилось общежитие, которое стало мне домом в первые годы учебы.

СОДЕРЖАНИЕ

На пути к университету	5
Студенческая юность	9
Знакомство с Институтом востоковедения	17
Учителя и наставники	28
Визиты высоких гостей	41
Испытание «на прочность»	51
Неожиданный поворот в судьбе	57
Начало долгого директорства	62
Будни «дворцовой» жизни	71
Московское начальство	77
Защита от друзей и противников. Неожиданный визит президента	82
Моя работа в туркологии. Поездки в Турцию	88
В европейских центрах востоковедения	98
Институт — успехи и трудности	110
Тяжелые годы	123
Коллеги в Закавказье и Средней Азии	128
Встречи в Китае	133
Визит в США	137
Румынские контрасты	145
«Мама» из Дюссельдорфа	148
С делегацией в Израиле	153
В гуще перестройки: идеи и борьба	161
Корея: впечатления от Севера и Юга	168
Первые шаги в рыночной стихии	172
Распад СССР глазами востоковеда	178
Власть, наука и ученые	182
Деловые связи и партнеры: школа бизнеса в науке	185
Радости творчества	192
Герцогиня фон Габсбург и первые выставки восточных рукописей	196
Неожиданный удар и неожиданная помощь	209
«Сока Гаккай» и Дайсаку Икеда	211
Драгоценные тетради	214
Выставка в Токио	218
В Университете Сока	224
Новая работа	229
Снова в Смольном	236
Небываемое бывает	241
Издатели, журналисты и демократия в Академии наук	247

Ю. А. Петросян
ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ
(записки востоковеда)

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *А. И. Слепушкин*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *О. И. Буркова* и *М. П. Корнакова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 7.02.2002.
Подписано к печати 23.04.2002. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.5. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3194. С 66

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-028537-4

9 785020 285378